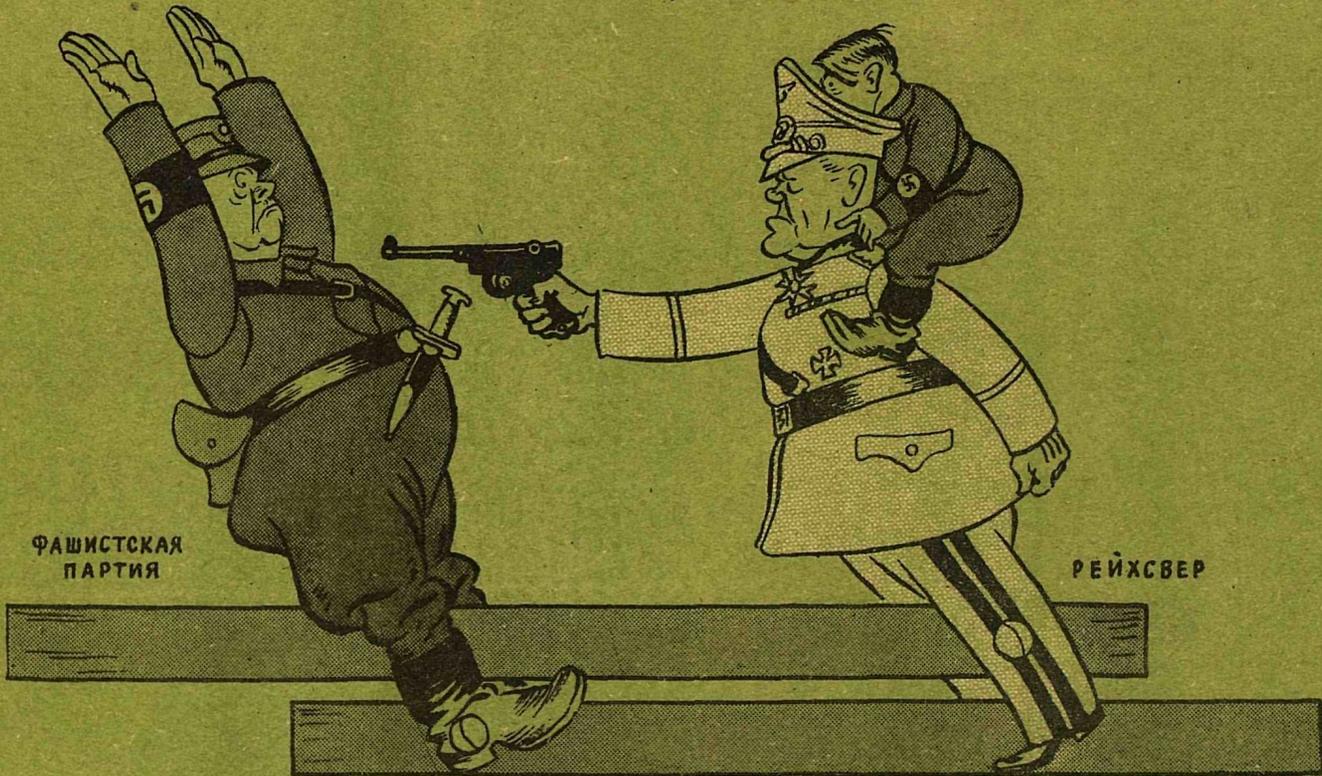
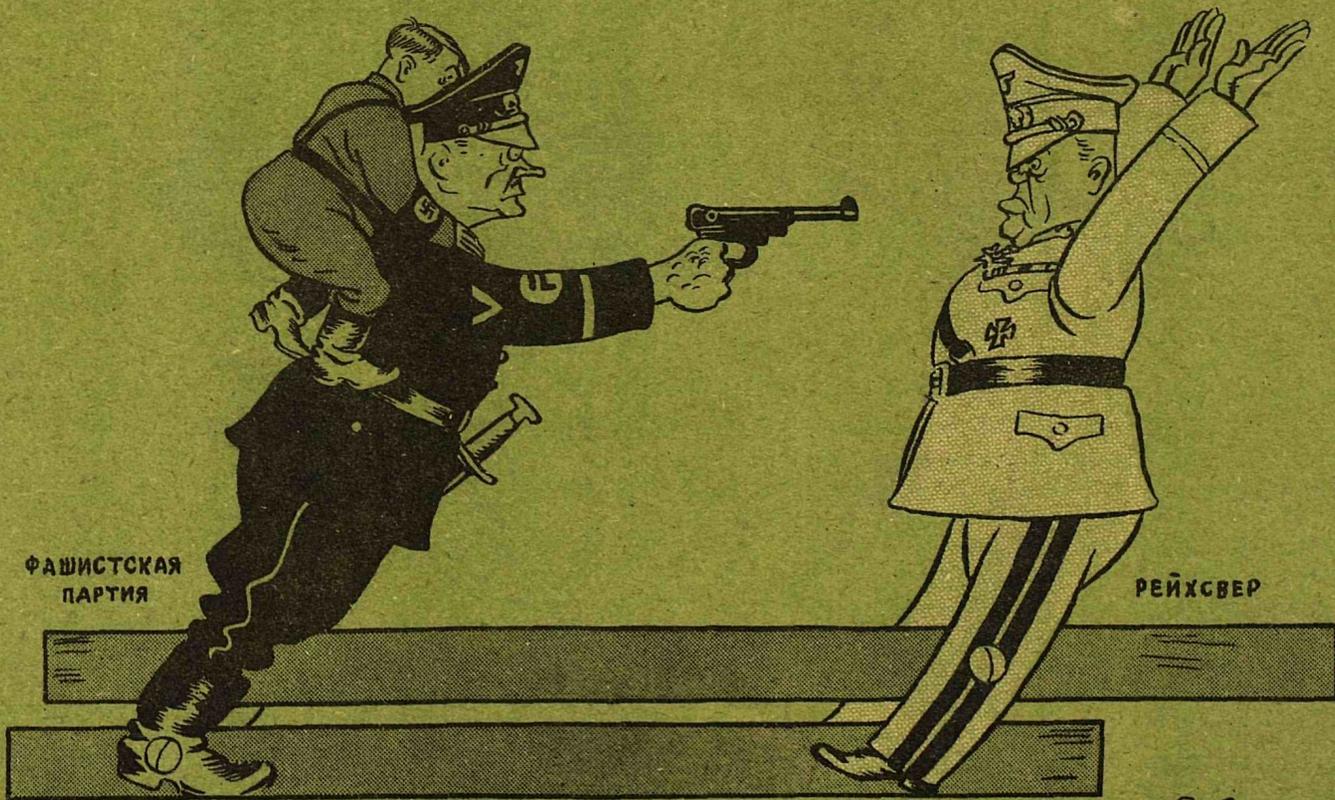

К Р О К О Д И Л

ГОДИЗДАНИЯ XVII

30 ИЮНЯ 1934 ГОДА

4 ФЕВРАЛЯ 1938 ГОДА.

Бор. Ефимов. 38.

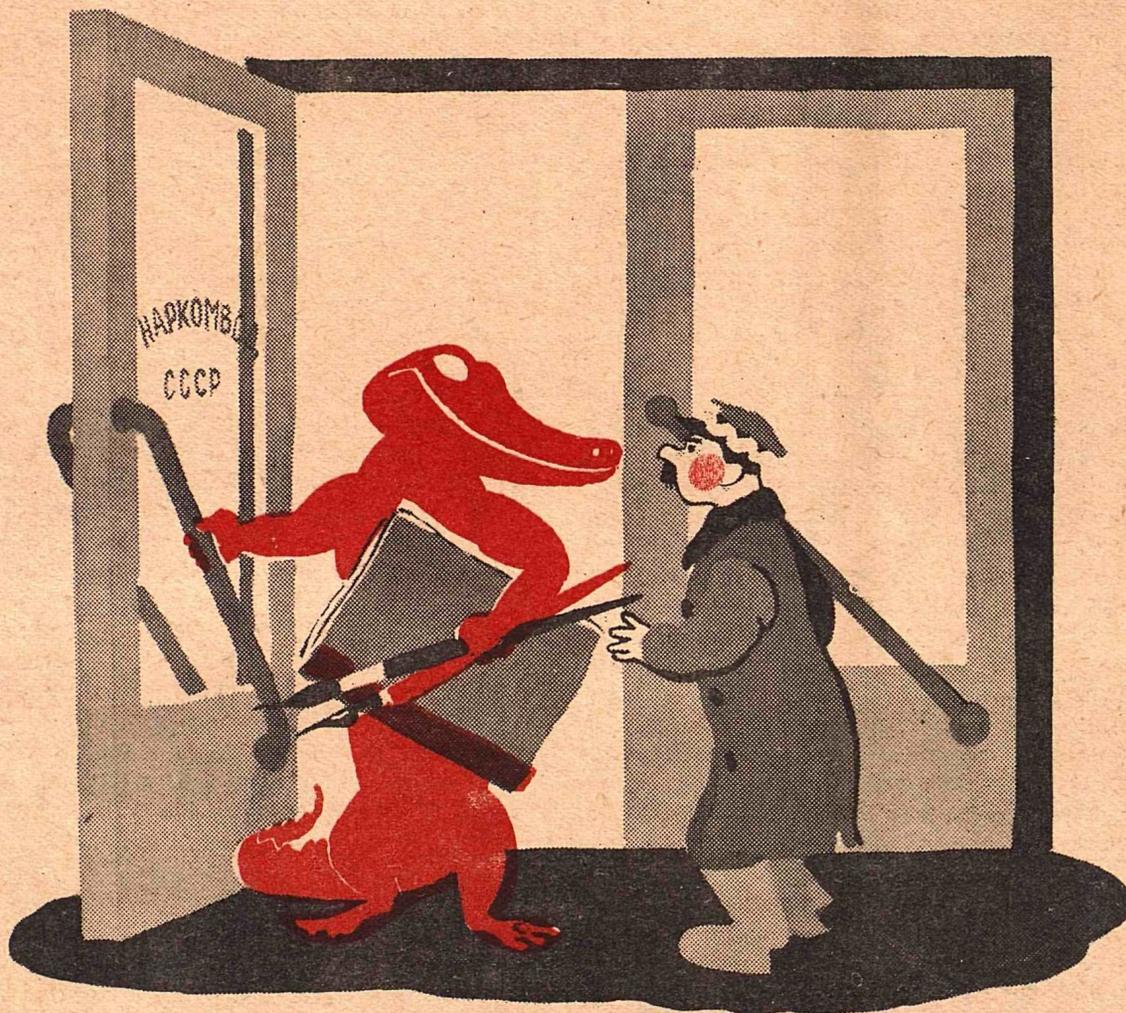
Рис. Бор. Ефимова

СТОЛПЫ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ИЛИ

ИСКУССТВО ПЕРЕСАЖИВАТЬСЯ

У ВРАТ НАРКОМВОДА

— Мне только на минуточку, товарищ швейцар... Я хочу узнать у тов. Пахомова: не забыл ли он речь тов. Жданова на сессии Верховного Совета?..

Неоконченная история

Давно уже не слышать о подкидышах, и в этом нет ничего удивительного: совсем другие времена, совсем другие социальные условия. Но о подкидышах, перешагнувших за грудной возраст, о подкидышах, имеющих за плечами больше полусотни лет, что-то не слышно было у нас и при царизме...

Под вечер осени ненастной 1936 года к зданию пронкинской начальной школы подкатила дребезжащая повозка. Два дюжих молодца деловито сняли с повозки тихо стонавшего старика и подкинули его на школьное крыльцо. Как и полагается при всяком подкидыше, была записочка и при этом старике:

«Товарищ Моторова! Возьмите вашего отца и определите его на квартиру. Но не в школьном помещении. Если вы этого не сделаете и бросите еще раз отца, будете судимы!»

Самое удивительное во всей истории то, что и этот неслыханный подкидыш тоже был до некоторой степени плодом любви несчастной. И для объяснения этого загадочного феномена мы позволим себе бросить небольшой взгляд на предшествовавшие этому факту события.

Учительница пронкинской начальной школы Надежда Ивановна Моторова имела высокую честь и глубокое несчастье понравиться заведующему ярцевским районным отделом народного образования, некоему Батурину. Можно сказать, счастье так и просилось в руки молодой учительницы. Но молодости свойственны необдуманные решения: Моторова отвергла страстный порыв своего начальника, и последствия не преминули об'явиться.

Вернувшись домой, Батурин с удовольствием вспомнил, что отец Моторовой, весьма кстати проживающий у нее на квартире, несколько лет был попом. «Очень приятно», — потер свои руки Батурин и поставил Надежде Ивановне ультиматум: или она выгоняет своего отца на улицу, или Батурин выгонит на улицу ее. Батурин вел эту кампанию методически, хладнокровно, с удивительным знанием человеческой психологии и довел полуобезумевшую от неслыханного шантажа Моторову до того, что она бросилась вытаскивать своего больного отца на улицу. Сам старик как лежачий больной очистить помещение не мог. Заведующая школой поступила так, как поступил бы на ее месте всякий честный советский гражданин. Она успокоила дошедшую до невменяемого состояния учительницу и не позволила выбросить старика на улицу. Через два дня Моторову за неисполнение директивы РОНО уволили с работы, а заведующей школой об'явили за проявленную чуткость выговор.

Совершенно обезумевшая, Моторова выбросила старика на улицу. Его подобрали и отвезли в больницу. В больнице составили акт, что вылечить старика не могут, и отослали его в РОНО и Собеэ. И вот тогда кувшинные рыла из РОНО и Собеэ и подкинули старика на крыльцо пронкинской школы со строгим предупреждением — ни в коем случае не содержать его в школьном помещении.

Четыре дня искала Моторова квартиру, и четыре дня, боясь обвинения в связи с чуждым элементом, она держала своего отца на морозе в сарае.

Только после вторичного приказа смоленского облОНО Батурин согласился восстановить Моторову на работе, но при этом присовокупил: «Все равно сниму!» И начал натравливать на нее вновь назначенную заведующую школой и учителей.

Моторова обращалась к секретарю райкома партии, к председателю райисполкома, но они проявляли совершенно непонятное равнодушие. Тогда она снова пожаловалась в Смоленск. 15 июня прошлого года ее вызвали в облОНО и сказали: «Не беспокойтесь, вы остаетесь на работе».

Моторова возвращается в Пронкино. 5 августа новая заведующая школой с головкружительной деликатностью говорит ей:

— Надежда Ивановна, вы сняты с работы. Освобождайте, пожалуйста, квартиру.

7 августа Моторова снова едет в облОНО. Будет несправедливо, если мы скажем, что ее приняли плохо. Ее снова приняли хорошо. Даже сказали ей, что вот-де был у них заведующий райОНО Батурин со своим приятелем Нечаевым и кричал:

«Если вы оставите ее работать, пострадаете своими партийными билетами!» Нет, определенно Моторову приняли в облОНО хорошо, но попросили справку, что отец — действительно больной человек. Она представила справку.

«При амбулаторном осмотре отца Моторовой обнаружено, что он страдает миокардитом, эмфиземой легких, общим упадком питания, артериосклерозом центральной нервной системы с понижением интеллекта. По состоянию здоровья нуждается в постороннем уходе».

В облОНО посмотрели справку и сказали:

— Ну, если так, мы вас восстанавливаем на работе.

И выдали на руки соответствующий приказ.

За это время в Пронкине кое-что выясняется. Секретарь райкома, председатель райисполкома и ряд других покровителей Батурина разоблачены как враги народа. Теперь все понятно. Они поощряли, эти люди, издевательские мероприятия Батурина, потому что это им было на руку. Преследованием молодой советской учительницы и издевательством над больным стариком они поставляли богатый материал для шептунов и контрреволюционной агитации в районе.

И вот Моторова возвращается обратно в Пронкино с приказом из области о восстановлении ее на работе. Районным отделом народного образования заведует уже не Батурин, а Храбров. Но Батурин почему-то сидит тут же и говорит: «Пусть представит хоть десять таких приказов, на работу ее не допускать!» Храбров в свою очередь говорит: «Я не признаю облОНО и этому приказу не подчинюсь». Но потом достойная преемница Батурина кое-как подчинилась приказу облОНО и Моторова снова приступила к работе.

Подходит осень, и батуринские наследники продолжают свою отвратительную работу. Они всячески провоцируют Моторову на скандал. Они не отпускают ей дров. Семья Моторовой живет в нетопленной квартире. В результате заболел и 22 ноября умер единственный брат Моторовой, ученик 10-го класса. Профессиональный союз, опасаясь, как бы чего не вышло, как бы, упаси боже, его не обвинили в поощрении чуждых элементов (речь по па и т. д.), отказывает Моторовой даже в причитающейся по закону помощи на похороны брата, находившегося на ее иждивении.

24 ноября она хоронит брата, и 24 же ноября неутомимые перестраховщики и шантажисты из районного отдела народного образования снова снимают ее с работы по обвинению, много раз уже опровергнутому.

На этот раз в областном отделе народного образования решили не связываться с злополучной учительницей. «Раз вас сняли с работы, значит, нечего и разговаривать». Она тогда пошла к исполняющему (очень плохо исполняющему) обязанности заведующего областным отделом народного образования Гусеву. Гусев лицемерно выразил ей сочувствие:

— Что ж, милая, делать?! Мы ваше снятие с работы подтвердим, но поможем вам поехать в Наркомпрос. Если там постановление РОНО отменят, то мы с огромной радостью примем вас обратно на работу.

В Наркомпросе постановление РОНО отменили, восстановили Моторову на работе. И это очень хорошо. Храбровой об'явили выговор с предупреждением «за формальное, бюрократическое отношение к вопросу о снятии учительницы Моторовой», а Гусеву указали на то, что, «зная о необоснованном отстранении тов. Моторовой в школе, он не принял соответствующих мер к восстановлению ее».

И все? Представьте себе, — все.

А ведь кое-чего не хватает.

Не хватает обсуждения и осуждения в партийном порядке непартийных дел Храбровой и перестраховщика Гусева.

Не хватает показательного суда над виновниками беспримерного издевательства над советской учительницей Моторовой. Не хватает этого, товарищи и граждане!

Ну что ж, подождем: обсудить поведение членов партии на партийном собрании, судить советским судом людей, поставляющих материал для контрреволюционной агитации, никогда не поздно.

Л. ЛАГИН

Рис. И. Семенова

— Ну, вот мы и перевели стахановское движение на новые рельсы...

«Непримиримый» Лешаков

Позвольте... когда это было?.. Месяца полтора тому назад... Да, да. Было у нас собрание, и Лешаков, из отдела заготовок, встал и сказал:

— Товарищи, мне хотелось бы заострить ваше внимание на одном из наших работников — на Ергунове.

— Ергунов в командировке, — отозвался кто-то, — лучше мы потом заострим внимание, когда Ергунов придет.

Лешаков резко отрубил ладонью:

— Нет, вы как хотите, а я сегодня заострю!

— Ну, заострай!..

— Заостряю. Еще когда Ергунов не был в отъезде, в газетах было насчет врага народа какого-то Ергунского. Понимаете?.. Ергунский — Ергунов — Ергуновский... Что-то тут есть. Надо проверить.

— Дальше, — иронически сказали с мест.

— Сейчас — дальше. Ергунов сам из деревни. Отец — кулак, не кулак, но твердозаданец непременно. И у Ергунова ясно видны твердозаданческие настроения.

С места:

— Какие?

— Я говорю: твердозаданческие. Ясно? Идем дальше. Я помню, прошлым летом Ергунов мне все жаловался: «Ах, какое плохое лето, ах, какое плохое лето, ах, какое плохое...» — Что это, по-вашему, товарищи?

С места:

— Что?

— Это, товарищи, клевета на космос. Да! Так мы и фиксируем: Ергунов клеветал на наш советский космос! Но идем

дальше. Кто из вас был на предвыборном собрании еще в конце ноября? Все были?

— Все.

— Очень хорошо. А кто помнит, как Ергунов устроил обструкцию на этом собрании?

— Мы не помним...

— Не помните! Я напому. Ергунов, если хотите знать, нарочно забрался в задний ряд и все собрание проикал.

— Чего?

— Проикал. Икал то есть. Ртом все время так: ик, ик, ик... Ну и всхлипывал... Неужели непонятно?

— Понятно!

— Ну вот. Я его спрашиваю — Ергунова: «Чего ты икаешь?» А он: «Я, говорит, сейчас выпил холодной воды». Товарищи, кто-нибудь из вас замечал прежде, что Ергунов так уже не любит холодную воду? Я не замечал.

— Еще что? — спросили с мест.

Лешаков ответил:

— Много есть еще, но и этого довольно. Я человек непримиримый.

— Непримиримый?

— Непримиримый. И я заостряю ваше внимание на Ергунове!..

Значит, это было месяца полтора тому назад. А наднях приехал из командировки Ергунов.

«Непримиримый» Лешаков несколько дней избегал встречи с Ергуновым. Но в конце концов напоролся: у буфетной стойки столкнулись оба. Лешаков, правда, и тут хотел от-

вернуться. А Ергунов положил ему руку на плечо и ехидно сказал:

— Здравствуй, Лешаков. Что ж ты отворачиваешься?

Лешаков восторженно поднял брови и воскликнул:

— Ергунов? Вася?.. Сколько лет, сколько зим!.. Кто отворачивается, что ты?!

Но, видать, Ергунову уже рассказывали о «непримиримом» выступлении Лешакова, потому что Ергунов крепко взял его за локоть.

— Ну, как с'ездил? — бормотал Лешаков. — Как настроение?.. Кстати, я слышал замечательный анекдот: один, понимаешь ли, провинциал приехал в Москву. И вот...

— Подожди, — перебил Ергунов, — я слышал ты оратором заделался. Речи произносишь.

— Какие там речи... хе-хе-хе... Да, так, значит, приезжает он в Москву из провинции, а ему говорят...

Но Ергунов был неумолим.

— Что ты про меня говорил? — спросил он.

— Я? Про тебя? Первый раз слышу... Дай же закончить анекдот. Он, значит, приехал, а ему говорят...

— Да ну тебя с анекдотом! Ты про меня говорил, что я кулак, что я клеветник... Правда?

Лешаков, подло захихикав, изогнулся и похлопал Ергунова по животу.

— А ты и поверил! Так сразу и поверил!.. Это я должен на тебя сердиться... хе-хе-хе...

— Нет, ты постой. Мне говорили, что ты в порядке непримиримости из меня прямо котлету сделал...

— Голубчик мой, — плачущим голосом произнес Лешаков, — сам посуди: ну, какой я непримиримый? Какая непримиримость? Откуда? Хе-хе-хе...

И, виляя задом, Лешаков попятился от Ергунова. Ергунов с омерзением отвернулся.

— Хе-хе-хе, — послышалось еще Ергунову, — наговорят же, ей богу, на человека... Я — и вдруг непримиримый. Я-то?!

В. АРДОВ

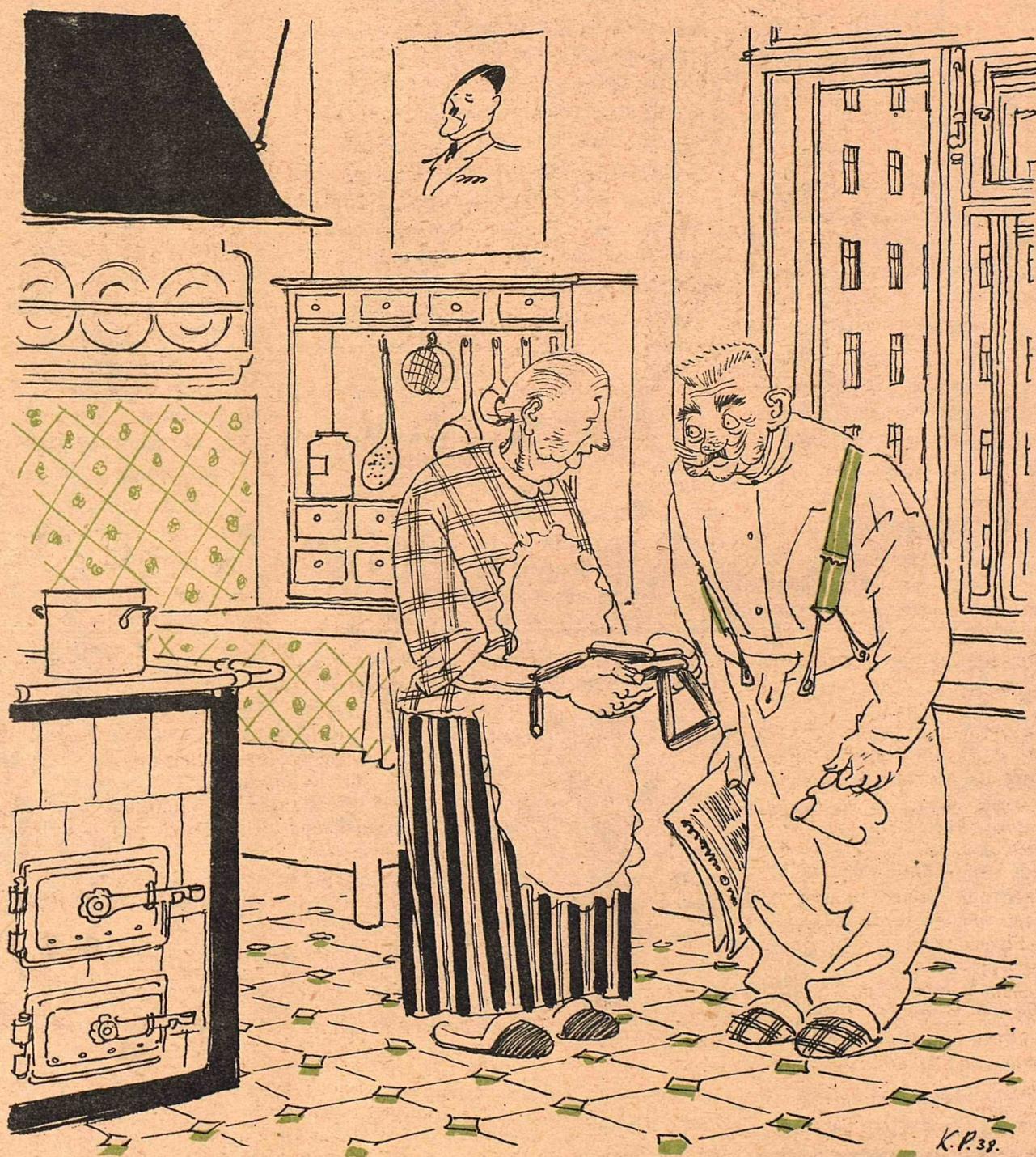
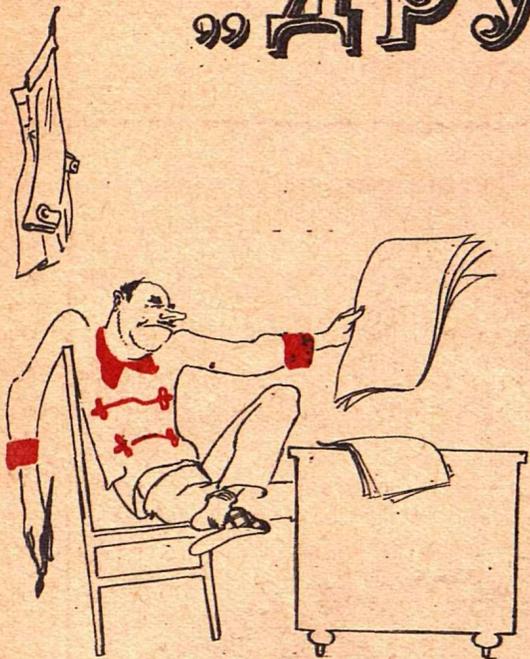

Рис. К. Ротова

СУРОГАТНОЕ ЖИТЬЕ В «ТРЕТЬЕЙ» ИМПЕРИИ

— Эти сосиски из древесных опилок ставят меня, герр Шульц, в тупик. Не знаю, куда их класть: в печку или на печку?

„Друг“ — Читатель

Наряду с многомиллионным действительно прекрасным другом, лучшим в мире советским читателем есть и такой «друг». Его пора показать во всей красе.

Если посмотреть на него — на плюгавенькую его фигурку, сутулую, в старом френчике и с облезлым портфеликом подмышкой, — вам никогда не придет в голову, на что способен этот человек.

Служба у него самая маленькая. Безобиднейшая. Никаких попыток расти он не делает. Общественной работой не занимается. «Какая же у нас общественная работа», — он презрительно хмыкает красно-фиолетовым носиком. Его считают отсталым, мелким служащим и терпят потому, что не думают о нем. А не думают о нем потому, что он не бросается в глаза. Он появляется в положенные часы. Мелкой тенью сереет за столом, иногда как мышь продвигаясь к шкафу и обратно, и в положенный же час исчезает.

Но с этого момента и начинается его настоящая деятельность. Он живет на окраине городка, в маленьком домике с палисадничком. Калитку этого палисадничка хорошо знает местный почтальон. Каждый день на имя Геннадия Маврикиевича Лисобоева получают журналы, газеты и письма.

Приходя домой, маленький человечек снимает потертый френчик, надевает просторную пижаму с огненными жгутами. Заложив руки за спину, он панской походкой начинает шагать из угла в угол.

Хозяйка начинает одергивать резвящихся детишек:

— Тише, стервецы! Геннадий Маврикиевич делом занят.

До недавнего времени у Геннадия Маврикиевича главным образом было одно дело. Он читал в «Известиях» объявления о перемене неудачных фамилий на более удачные и всюду, где спрашивалось, нет ли у кого-либо возражений, он писал открытку: «Возражаю». И давал неправильный адрес. И сладостно хихикал:

— Пока будут искать возразившего, да пока выяснят, что такого нет, сколько времени пройдет!.. Тот будет пока ходить Свиныяковым, Собакиным, Мордоплюевым, Свистогоновым... Хи-хи-хи...

Страшно приятно было сознавать, что где-то вот хочет человек перестать быть Свиныяковым и скорее переименоваться как-нибудь иначе, а вот из-за него, Геннадия Лисобоева, не может.

Потом деятельность Геннадия Маврикиевича расширилась. Он писал редактору газеты:

«Гражданин редактор!

В № 2395 В/газеты напечатана статья о сборе хлопка (автор Керосинов). Отрицать не можете? Попробуйте отрицать! Напечатано черным по белому. Затем (думаю, что не случайно) в № 3497 той же газеты напечатана статья «Борьба с малярией» (автор Катальский). Отрицать не можете? Попробуйте! Так вот, выпишите на бумажке 17-ю букву с начала первой статьи (автор Керосинов), 38-ю букву той же статьи, 49-ю и 72-ю, а затем возьмите из конца второй статьи (автор Катальский) 5-ю букву, 20-ю и 37-ю и прочитайте (редактор газеты Кривошеин, технический редактор Лимоновский). Что это: вылазка классового врага или открытый фашизм? Общественность области возмущена до последней степени. Требую немедленного объяснения.

Рабкор Геннадий Маврикиевич Лисобоев».

Копию этого письма Геннадий Маврикиевич посылает во все центральные газеты, в прокуратуру.

Одновременно он посылает запрос: «Почему в статье «Стахановский декадник на заводе...» ничего не сказано об истории стахановского движения вообще? Общественность возмущена».

Часто ему многое «непонятно». Он почтительно и строго запрашивает редактора, что означает та или иная фраза в статье, в рассказе, в стихотворении. «Рабкору» Лисобоеву обстоятельно пишут и объясняют. Он с важным видом распечатывает письма и читает с улыбочкой:

— Вот, все-таки сумел заставить людей поработать, объяснить то, что ему и так ясно!..

Иногда он требует дополнительных объяснений, пишет: «Ваша бюрократическая отписка меня не удовлетворила». — И немедленно получает ответ с более подробным объяснением.

Особенно он бывает счастлив, если ответ из журнала или газеты задерживается. Это, он знает, — самое уязвимое место: ему, читателю, не ответили. Он пишет тогда одно угрожающее письмо за другим.

Пишет он долго:

«Письмо редактору. Почему в статье «Молодежь и комсомол» (автор Зубцов) нет биографии Энгельса? Вылазка? Прошу немедленно ответить!

Прошу ответить, на что похож кроссворд № 29, напечатанный в В/газете?

Прочтите 5-е слово с начала статьи «Автопромышленность» (автор Кузин), 21-е слово статьи «Об урожае» (автор Горов) и 49-е слово статьи «Новые молочные продукты» (автор Тихоновецкий). Соедините эти три слова. Что это? Глупая беспечность или классовая вылазка? Прошу немедленно ответить. Вся общественность возмущена» Рабкор Лисобоев».

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

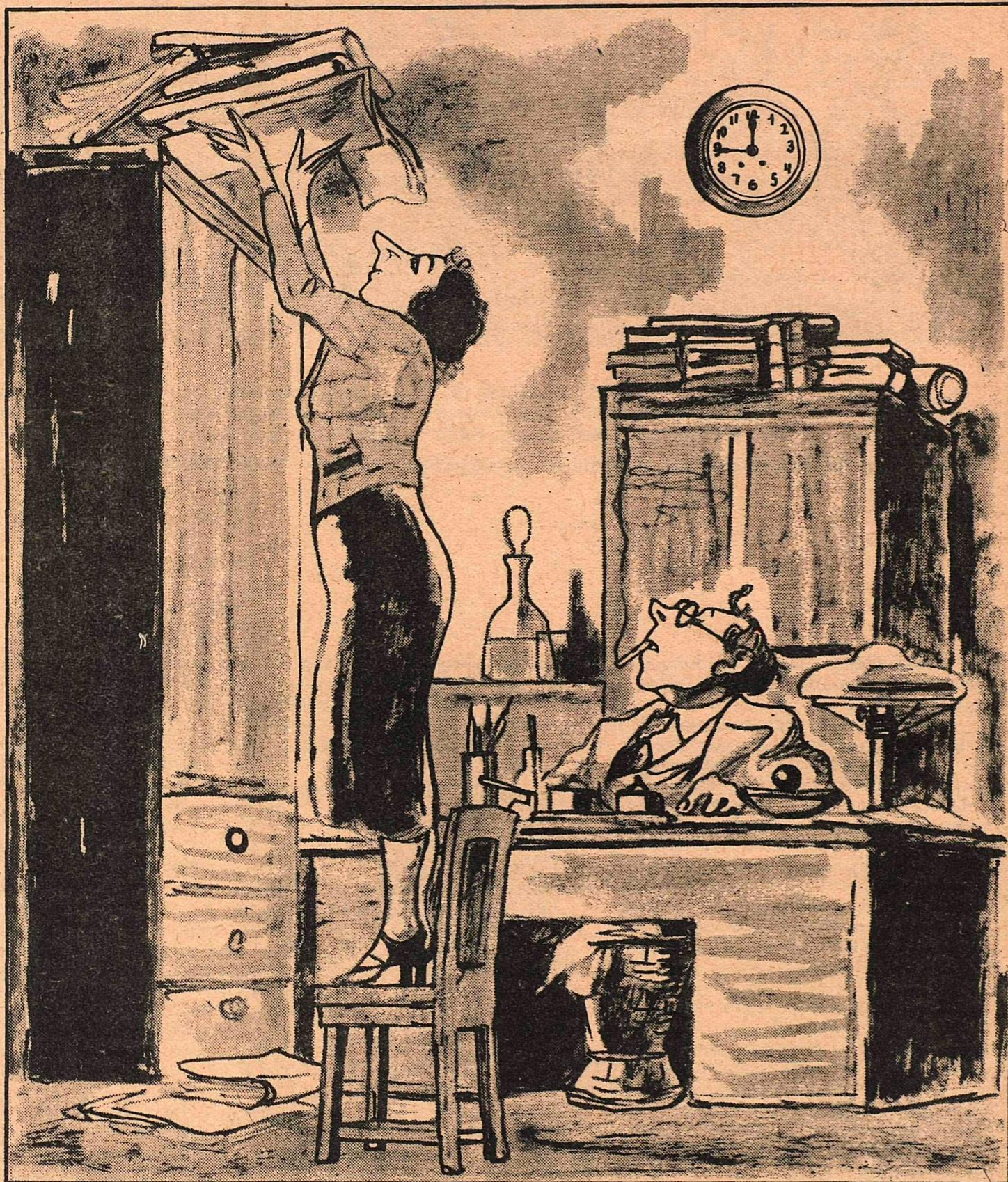
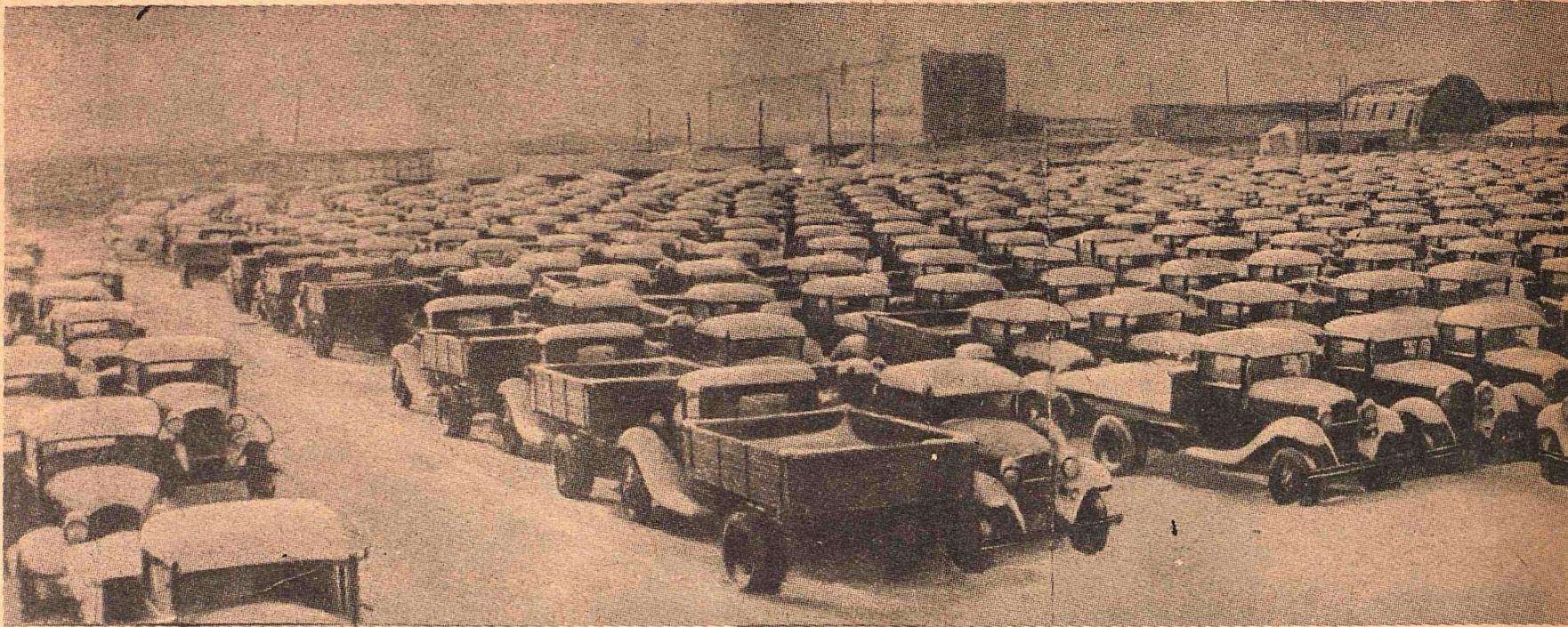

Рис. Л. Бродаты

ГРАЖДАНСКАЯ СКОРБЬ.

НАРОДНЫЙ СУДЬЯ:— За что только получает жалованье наша уборщица?!
На нерассмотренных делах — полугодовой слой пыли!..

Мы долго думали, как назвать двор Горьковского автозавода, на котором под открытым небом стоят давно распределенные, оплаченные сполна владельцами, гото-

вые к работе легковые и грузовые машины. Усыпальницей машин? Музеем головотяпства? Стадионом безобразий?

Отель «Им

В одном южном городе, в гостинице бывший «Империаль», появился новый директор.

Он появился в гостинице поздно ночью, проверил замки в кабинете, выглянул зачем-то в окно и приказал завести цепную овчарку.

Следующее утро директор отдал литературным трудам. Он опубликовал в стенгазете «На гостиничном фронте» статью, большая часть которой была отдана его собственной биографии. Прочитав биографию, коридорные, официанты, повара, судомойки, этажные дежурные долго крутили головой и, отводя глаза друг от друга, произносили:

— Ну-ну...

Кончалась директорская статейка предупреждением:

«Трепещите всевозможные враги: двурушники, интриганы, соглядатаи, казнокрады, попустители и укрыватели, ни одна мелочь не укроется от глаз Кушакова. Железная метла в руках товарища Кушакова выметет всех вас в историческое небытие».

Директора бывшего «Империаля» звали Кушаковым.

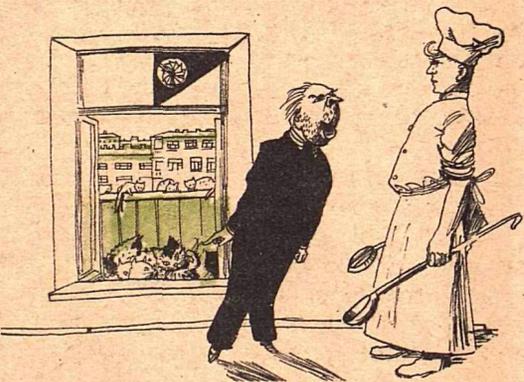
А статейка называлась злое: «Таков Кушаков!»

Утром Кушаков обнаружил утерю одного кухонного полотенца и потребовал товарищеского суда над гражданкой Аришей Конюховой, которой были вверены гостиничные полотенца.

Час спустя он громил повара за то,

что повар скормил чужим кошкам петушину голову.

— Воры! — грозно кричал Кушаков. — Грабители! Так вы обращаетесь с достоянием гостиницы «Империаль»...

В три часа дня он настит конторщицу Асю, которой почему-то взгрустнулось в ее стеклянной клетке.

— Грустите, товарищ Ася Белугина? Отчего же вы это грустите, товарищ Ася? Может, у вас не в порядке с мужем?!

После этих слов Ася Белугина действительно загрустила. Но товарищ Кушаков уже бушевал в ресторане и громил нерадивых музыкантов.

— Знаю я вас! — кричал он барабанщику. — Рукам воли не даете! Час за ним слезу, ни разу в барабан не ударил, лентяй, саботажник! За что только платим заработную плату?!

Напрасно капельмейстер тыкал товарищу Кушакову ноты и уверял, что в

данной партитуре нет никакого барабана. Взыскательный Кушаков строго глядел на капельмейстера:

— Барабанщика сократить! Не терплю дармоедов! А что касается вас, маэстро, поставлю вопрос перед профорганами. Мало руками машете! Что вы мне там толкуете пьяно, пьяниссимо?! Я хотя и не музыкант, но ленивого капельмейстера не потерплю! Больше энергии, маэстро!

— А вы что? — вскричал вдруг Кушаков, повернувшись к официантам. — Второй час гость сидит без подачи! Разве так обслуживают гостей? Это у вас «сервис» называется? Плевал я на то, что гость сидит над меню и колдует! Тащите ему балька, тащите растегаев и средний графинчик... Мне баланс нужен, а вы тут деликатничаете!

Чтобы получить окончательное представление о трудах Кушакова, стоит изучить записи самого Кушакова о его жизни и деятельности.

«8 часов утра. Обследовал анкеты дворника Гаврилука. Обратил внимание на связи по линии служителей культа».

8 часов 20 минут. Уборщица Судакова рвала испорченную бумагу, оставшуюся после постельца. Вызвал в 14 часов на детальный разговор».

8 часов 45 минут. Конторщик Белугина снова в подавленном настроении. Все объясняет ссорой с женихом. Проверить линию жениха».

Ввиду того, что мы так и не могли придумать подходящее название, мы обращаемся непосредственно к авторам этого нелепого затоваривания — к грузовому управ-

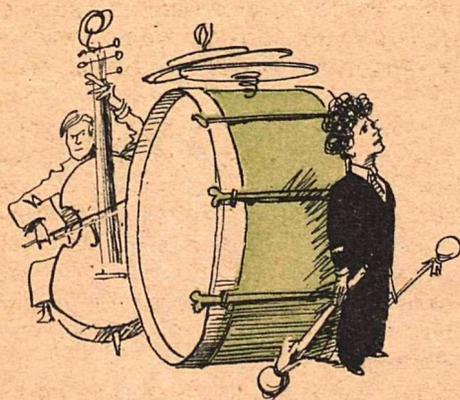
лению НКПС и ГУТАП.

Помогите нам, товарищи. Подскажите: как же все-таки назвать двор Горьковского автозавода?

Империаль»

Так проходило насыщенное деятельностью утро делового Кушакова. Ничто не радовало взор взыскательного директора, ничто не тешило его кроме одного только светлого явления на мрачном фоне его трудов.

Один светлый образ радовал Кушакова

среди сорока трех его подчиненных. Один человек с ясной, лучезарной улыбкой выслушивал его замечания, терпеливо принимал его указания, вежливо кланялся ему при входе и выходе и никогда не жаловался на Кушакова в местном и по начальству. Сколько ни думал Кушаков, казалось, ничто не могло опорочить этот светлый образ.

— Вот, — восклицал Кушаков, — возьмите метрд'отеля нашего ресторана, возьмите почтенного, скромного, трудолюбивого и высококвалифицированного старца Станислава Адамовича. Вот при-

мер для вас! Вот по кому надо равняться! Порой даже в его работе я находил мелкие просчеты и недостатки. Но разве кто-нибудь слышал, чтобы с его уст слетела жалоба на меня? Разве он когда-нибудь показал недовольство? Учитесь у него, молодежь! Двадцать семь лет он здесь, на том же месте, у ресторанного руля. Всех знает, и все его знают! Не будь его, не понимаю, как бы я с вами работал!

Безупречный Станислав Адамович стоял тут же, скромно потупив глаза, и действительно трудно было не плениться благообразием его наружности, молчаливостью и скромностью. И как бы вдохновленный этим примером, Кушаков возвращался к своим повседневным трудам.

Однажды утром, в восьмом часу, он направлялся к месту службы, заранее негодую на сотрудников, которых никак не мог отучить от опозданий. Но, войдя в вестибюль вверенной ему гостиницы, он был потрясен. Весь состав сотрудников, от судомоек до бухгалтера, ждал Кушакова, выстроившись у входа.

Радость охватила Кушакова. Не даром потрудились он над нивой бывшего отеля «Империаль». Он уже готов был обратиться со словами поощрения к сотрудникам, как вдруг подумал о том, что среди них почему-то не видно акуратнейшего Станислава Адамовича.

И не успел Кушаков раскрыть рта, как нетерпеливый посыльный, одиннадца-

тилетний Миша Шапкин, выбежал вперед и выпалил одним духом:

— Станислава Адамовича... нынче ночью поймали на границе с поличным!

— Не может быть!.. — шатаясь закричал Кушаков.

Час спустя он сдавал дела. Молодой человек, его преемник, молча очищал ящики стола Кушакова. Несколько минут его преемник читал знаменитые кушаковские записи. Ничто не укрылось от зоркого кушаковского взгляда: ни дедушка дворника Гаврилюка, ни прожженная салфетка со следами заграничной помады, ни саботажник-барабанщик, ни жених Аси Белугиной, ни одна мелочь не укрылась от глаз Кушакова...

Об одном только человеке не было сказано ни слова. Ни слова не было сказано о Станиславе Адамовиче — матером шпионе-диверсанте, бывшем метрд'отеле гостиницы «Империаль».

Л. НИКУЛИН

К вопросу о предисловиях

Вопрос о предисловиях назрел уже давно.

Сейчас об этом не только нужно, но прямо-таки необходимо говорить и даже кричать. Предисловия и вступительные статьи стали специальной отраслью литературы. Некоторые из них загубили немало хороших книг, испортили немало крови читателям.

Уже выработались закостеневшие, тощие формы стандартных предисловий. Их почти никто не читает, но они все-таки есть. Вряд ли нужно пояснять, что речь идет о предисловиях плохих.

Ниже мы приводим характерные отрывки из наиболее распространенных образцов этого жанра.

I. К заведомо плохой книге

...Конечно, эта книга — не та книга. Ах, совсем, совсем не та! При первом знакомстве с рукописью озноб пробежал по нашей коже; читая гранки, многие из нас наполовину посидели, а, подписывая сигнальные экземпляры к печати, ответственный редактор скорбно прошептал:

— Нет, эту книгу выпускать нельзя.

Мы не будем говорить о ее художественных достоинствах. Какие там достоинства! Худшей книги не видел мир и вряд ли увидит. В отчаянии, со скрежетом зубным выпускаем ее в свет.

Да простят нас читатели!

Почему же все-таки, черт возьми, мы выпускаем эту чудовищную брехню? Потому что все-таки хоть в какой-то мере, хотя ошибочно, хоть совсем не так, как надо, но книга ставит вопрос, недоотраженный в издательском плане текущего года.

Да поймет нас читатель! Честное слово, мы больше не будем. Разве такие книги нам нужны?

Нет, нам нужны совсем другие.

Да простит нас читатель!

II. К переизданию «Толкователя снов» Мартына Задеки

...Нашим читателям уже не снятся эти сны. Наши сны мы разгадываем без всяких толкований, так как знаем, что сны суть не что иное, как отражение во сне происходящих наяву событий (подробнее об этом см. мое предисловие к «Курсу общего машиностроения»).

Отсюда совершенно ясно, что «Толкователь снов» заслуженно забыт нашими читателями. Однако, если подойти к Мартыну Задеке как к памятнику эпохи, мы найдем немало любопытных для нас деталей. Какие сны снились в то время? Вдумаемся в это: купцу снились деньги; помещику — плети; крестьянину — тоже плети. Но ясно, что снились эти плети по-разному. Не даром Пушкин заставил Татьяну приобрести Мартына Задеку. Всякий читатель «Евгения Онегина», желающий до конца понять сон Татьяны, должен воспользоваться этой книгой. А как она помогает от бессонницы! Стоит только прочесть подряд семь, восемь толкований — и вам самим приснятся такие сны, каких не растолкуют десять Мартынов и двадцать Задек. А иллюстрации к этой книге? Эх, да что там говорить, такую книгу с руками надо оторвать! Спи спокойно, дорогой читатель!

III. К академическому изданию поваренной книги

...Как я уже говорил, этот солидный труд показывает большую эрудицию автора. За точной номенклатурой способов приготовления продуктов внимательный исследователь может рассмотреть серьезные проблемы возникновения вкусовых ощущений, способствующих развитию питательного процесса.

Знаем ли мы, как устроена наша вкусовоспринимающая система? Да, знаем. Помним ли мы меню придворных обедов Людовика XIV? Да, помним. Не даром этот правитель говорил: «После меня — хоть курица в супе».

А что по этому поводу сказал Архимед?

Он просил точку опоры, при помощи которой собирался перевернуть мир (подробнее об этом см. мое предисловие к «Курсу общего машиностроения» и к «Толкователю снов» Мартына Задеки).

К немногочисленной группе величайших умов всех времен, как-то: Сократу, Платону, Гераклиту, Спинозе, супругам Кюри, братьям Райт, детям капитана Гранта и пр., — нужно отнести, вряд ли не превосходящий многих из них мощный ум составителя упомянутого нами труда — Елену Молоховец.

В нашей скромной работе трудно охватить все разделы этого чрезвычайного произведения.

«Подарок молодым хозяйкам» ждет своих исследователей.

IV. К сборнику друга-стихотворца

Автор этой книги — превосходной души человек. Как сейчас помню случай еще из времен нашей школьной жизни. Садясь на подставленное мною перо, Коля добродушно сказал:

— Ну и острое же у тебя перо...

В этот момент он гениально провидел мое будущее. Действительно, перо у меня острое. Пишу я выразительно, ярко, красочно. Подробнее об этом читатель может узнать из коллиного предисловия к ряду моих книг.

Коля принадлежит к числу тех людей, которые принимают мир, как он есть. С такими людьми обычно не уживаются женщины. Я сам женат вот уж третий год и не хочу обижать свою жену, но истинный талант может оценить только мужчина.

Поэтому я, как мужчина мужчине, говорю Коле:

— Молодец!

И еще говорю:

— А помнишь ли ты, Коля?

И он, как всегда, отвечает мне:

— Помню.

Хороший поэт!

V. К детскому изданию расписания поездов

Ау, ребятки! Вот еще одна книжечка для маленьких читателей. В ней сжатым языком цифр один дядя рассказывает, как паровозики везут вагончики по рельсикам и в какие часы они прибывают к разным вокзальчикам.

— Ту-ту-у! Ребятки!

Если папа, или мама, или дядя, или тетя, или бабушка, или дедушка, или вы сами не знаете, когда вы уедете и когда куда приедете, откройте эту книжечку — и вы сразу все узнаете. Мы печатаем каждую цифру другой краской, чтобы книжечка у вас была красивая. А палочки с кружочками на обложке — это семафорчики. Поднимет семафорчик ручку, — значит, дорожка свободна. Опустит семафорчик ручку, — значит, дорожка занята. Каждый из вас, если у него есть ручки, может быть семафорчиком.

Наша книжечка стоит всего 15 рубликов и 75 копеечек. Она заменит вам все ваши игрушечки. Лучше покупать сразу две книжечки: если одна запачкается, другая будет совсем чистой, — и из нее можно сделать много хороших голубей и корабликов.

— Пф-пф, ребятки. Динь, динь!

VI. Предисловие-вкладка

(Вклеивается в любую книгу вместе со списком опечаток).

Автор поставил перед собой задачу. Это ему в основном удалось. Есть, конечно, и некоторые недостатки. О них ниже.

Книгу прочтут с интересом. В ней, как в капле воды, отражены. Автор — не Бальзак, это можно сказать с уверенностью. Однако герои книги — наши люди. Чувства их — наши чувства. Их автор — наш автор. Однако у него есть и недостатки. О них выше.

Издана книга со вкусом: есть рисунки, переплет, шмуц-тул и заставки. Цена книги непомерно высока.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

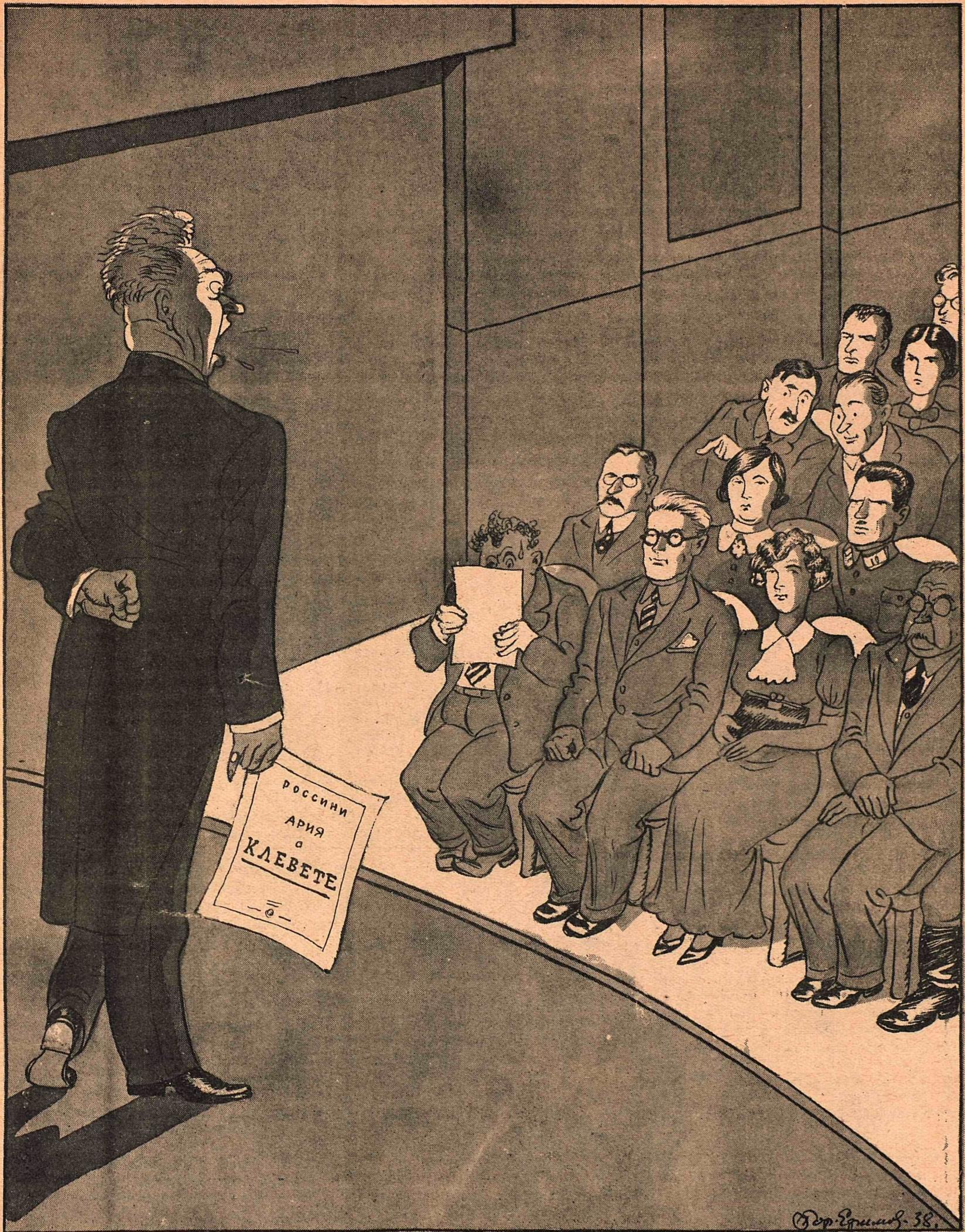

Рис. Бор. Ефимова

- Ария о „Клевете“ очень не нравится вон тому гражданину.
- Еще бы! Он уже получил взыскание за клевету на сослуживцев.

ДВА СЛОВА

РЖСКТ ликвидированы. И уже нет могущественных предов жилкоопов.

Но некоторые председатели попытались на прощание оставить след в истории.

Например бывший председатель РЖСКТ «Инжкоопстрой» Колпаков. Он ушел в отставку, выполнив мечту своей жизни: он отомстил Богуславской!

Подумайте сами: Мария Богуславская в бытность свою членом ревизионной комиссии жилищного кооператива написала заявление в Мосжилотдел. На кого? На самого председателя! На Колпакова!

Само собой понятно, что такое недопустимое поведение члена кооператива (еще не вселенного в новую квартиру!) чревато грозными последствиями.

Но чем, в сущности, может Колпаков навредить Богуславской? Как будто ничем. Если рассуждать по закону, то...

А нельзя ли что-нибудь сделать в обход закона?

«Можно!— решает Колпаков.— Кое-какое словечко шепнем».

И Колпаков шепнул.

В Мосгоржилотделе рассматривался список членов кооператива, вселяемых в дом № 10/12 в Померанцевом переулке. Очередь дошла до старшего научного работника Института газа и искусственного топлива М. С. Богуславской.

Колпаков наклонился к уху одного из членов комиссии и шепнул два слова. Те же два слова он шепнул и другому члену комиссии.

И фамилия Богуславской тотчас же исчезла из списка. Как же иначе? Председатель утверждает, что Богуславская— «чуждый элемент».

Вычеркнуть — и кончено!

Проверять— это канителью. Куда проще — зачеркнуть и разойтись.

Секретарь партийной организации Института, где работает Богуславская, обратился к Колпакову с вопросом:

— Почему Богуславская исключена из списков вселяемых в новый дом?

Лицо Колпакова изобразило ужас.

— Вы что делаете? Кого защищаете? А знаете ли вы, что... (Тут оратор понизил голос и заговорил таинственным шопотом). Я вам скажу тольк одва слова — антиобщественный элемент! О ней имеются плохие характеристики и еще кое-какой материалец!..

Научный работник Богуславская получила напрузку: она бегае день-деньской по учреждениям, по институтам и собирает справки, отзывы, характеристики. Все эти документы утверждают, что Богуславская — честная советская гражданка, хороший, инициативный работник, активная общественница.

Богуславская собирает справки. А где-то, за углом, стои Колпаков и ухмыляется: не писала бы заявления — получила бы квартиру, жила бы спокойно.

Не следует ли Колпакову выйти из-за угла и дать объяснения?

Пусть Колпаков докажет, что он не клеветник. Или пусть несет ответственность за клевету!

Г. РЫКЛИН

Рис. Л. Генча.

ОБА ХУЖЕ

— У нас по русскому весь класс плохо идет. А вот учитель хуже всех: совсем ничего не знает.

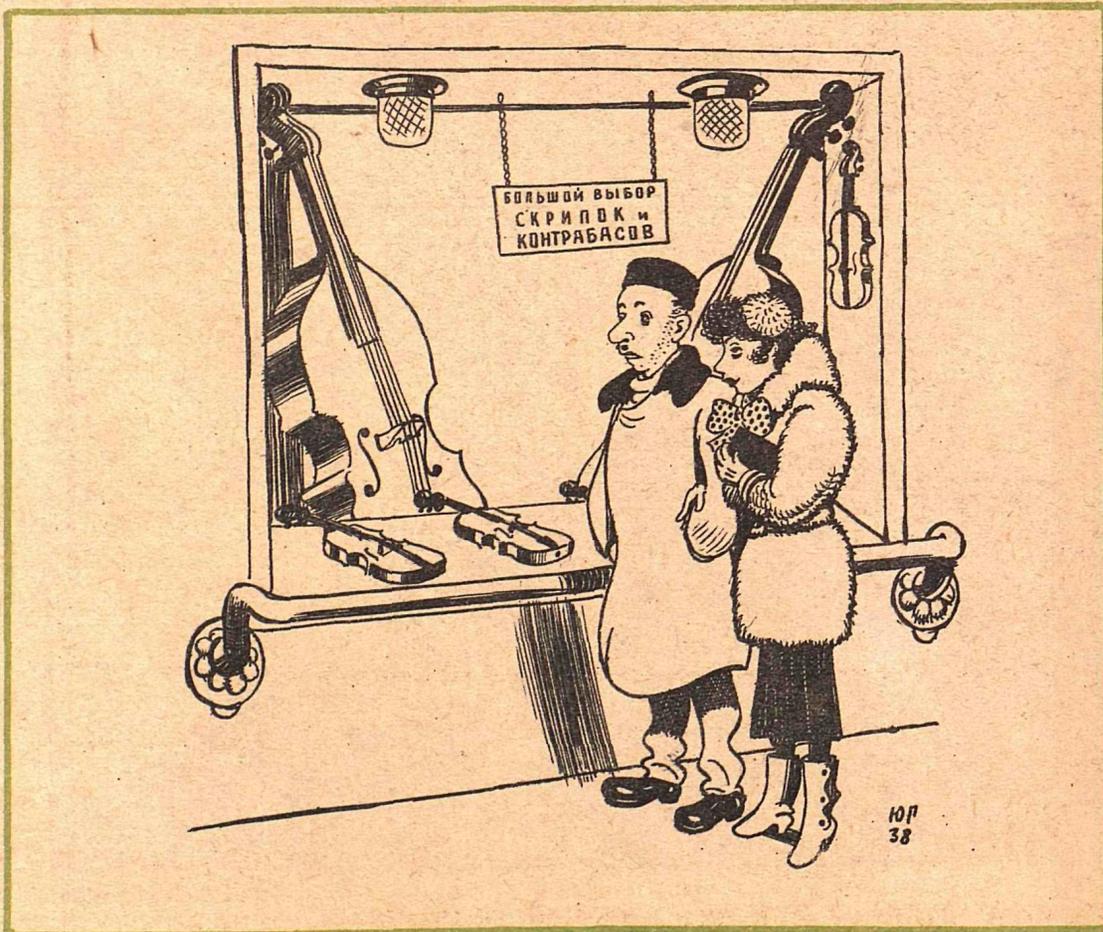

Рис. Ю. Ганфа

ЖЕЛЧНЫЙ КРИТИК

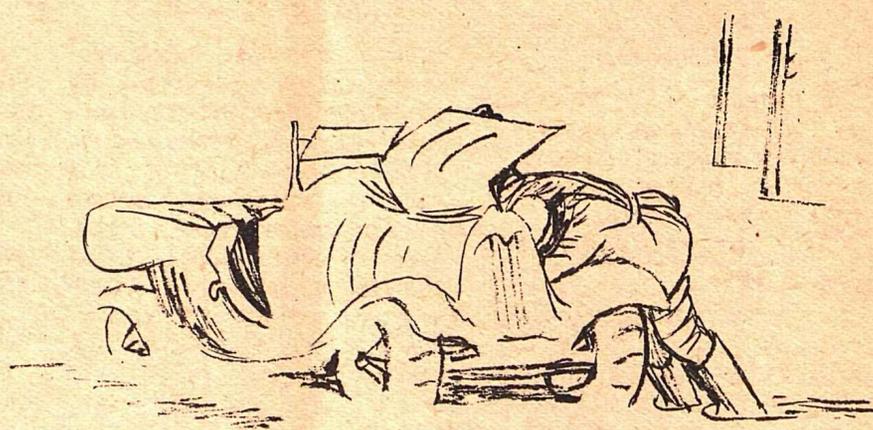
— Это вечная история: на средний рост ничего нельзя найти!..

Рис. М. Черемных

ПОСТАВИЛ НА МЕСТО

- Когда же вы разберете мою жалобу? Я к вам каждый день хожу!
— Ну уж и каждый день!.. По выходным-то мы не работаем!..

Рыжая борода

Мотор чихнул словно простуженная овца, и машина остановилась. Шофер Юра, подергав рычаги, рассеянно посмотрел на бензиноуказатель, жестом отчаяния сдвинул кепку на нос и, обернувшись к пассажиру, сказал:

— Полная катастрофа, Иван Платонович! Не дотянули до Никитовки: горячее подобрали вчистую. Вы сидите, а я пойду в село. Тут километра два, мигом обернусь.

— Нет уж, я пойду в село, а ты сиди, — сердито заметил Иван Платонович. — Говорили тебе: возьми бензину в Больших Ручьях. «Хватит по горло». Вот тебе и «по горло»! Разиня!

Не отвечая, шофер с деланным равнодушием разглядывал пустую снежную равнину, окаймленную с востока по горизонту тощим сосновым леском.

Кряхтя, Иван Платонович вылез из автомобиля, оправил слежавшийся полушубок и решительно двинулся по дороге в Никитовку.

Было морозно, но безветренно и поэтому нехолодно. Чувство досады быстро прошло. Секретарь райкома даже с удовольствием, совсем по-мальчишески подбивал ногой обледенелые черные ядра конского навоза, шагая по крепко укатанному снегу.

«Кто у них в Никитовке председателем колхоза? — вспоминал он. — Ага! Лещенко. Зовут, кажется, Федором. Борода у него рыжая. Когда разговаривает, в глаза не смотрит. Кажется, ничего мужик, только очень уж робкий и тихий. Кстати, надо будет его подбодрить, — подумал секретарь райкома. — Внушить надо ему большую уверенность в себе. Эта робость определенно мешает ему как руководителю».

Поднявшись на невысокую горку, Иван Платонович увидел вдали красные крыши Никитовки и дымки из труб, поднимавшиеся почти перпендикулярно к ясному небу. Маленькая пегая кобылка, запряженная в дровни, медленно спускалась с горы. В дровнях лежал пожилой колхозник в новой оранжевой овчинной шубе.

— Подвезите до Никитовки! — попросил Иван Платонович.

— Садись, — сказал возница басом и подвинулся, освобождая место для пассажира.

Сначала ехали молча, потом колхозник спросил:

— Из города?

— Из города, — неопределенно сказал Иван Платонович. — Ну, как вы тут живете, в Никитовке?

— Живем, хлеб жуем.

— Как ваш Лещенко поживает?

Колхозник стегнул лошадь кнутом по мохнатому крупу, от чего кобылка обиженно махнула хвостом, задев Ивана Платоновича по лицу, и ответил с угрюмой насмешкой:

— Тарахтит! Что ему делается?

— Робкий он у вас очень, — назидательно сказал секретарь райкома, — смелости у него не хватает и размаха.

— Ума у него не хватает, милый человек, а нахальства — этого хоть отбавляй.

Заметив удивление на лице Ивана Платоновича, возница прибавил:

— Скажем, к примеру, зайвится Лещенко к нам на ферму, крику наделает, шуму, а пользы — ни на грош. Только и наслушаешься от него: «японский помпадур», «богдыхан маринованный», «оглобля стоеросовая». Такой ругатель, озорник — сил нет!

— Почему же в район на него не жалуетесь?

— Писали! — махнул рукой колхозник. — Не помогло! Рука у него в земотеле. Месяца три — четыре назад приез-

жал в Никитовку секретарь райкома, хотели с ним поговорить наши мужики, а он, секретарь, из машины не вышел, с Лещенко одним поговорил и... покотил себе дальше!

Иван Платонович вспомнил тогдашнюю свою поездку, робкую фигуру Лещенко и почувствовал легкое смущение.

«Вот они, плоды нашего кабинетно-автомобильного руководства, — самокритично подумал он. — Мотаемся по колхозам «от края и до края, с машины не слезая», а по существу ничего не знаем! Однако хорош гусь, этот Лещенко! Вот чорт рыжебородый! А я еще хотел поработать его за робость!»

Кобылка лениво трусила по дороге. Слушая невеселый скрип полозьев, секретарь райкома размышлял не без горечи:

«А я еще недавно в обкоме хвастался, что знаю всех работников района в лицо. Впрочем, — поспешил он утешить себя, — я действительно знаю их в лицо. Взять хотя бы эту лещенковскую рыжую бороду. А другие секретари и того не знают».

Печальные думы секретаря прервал возница. Он вдруг зачмокал губами, задергал вожжами.

Из-за поворота вывернулась пара рослых коней, запряженных в щегольские санки. Конями ловко правил краснолицый человек в новой ушанке, лихо надетой набекрень.

— Лещенко прокатил! — сказал возница.

— Ошиблись вы, — твердо заявил Иван Платонович, когда санки проехали. — Какой же это Лещенко? У Лещенко борода рыжая, а этот бритый весь.

— Снял он бороду, — сказал возница и покрутил в воздухе концами вожжей. — Месяца два как ходит с бритой мордой. Люди говорили: жениться надумал, а его, значит, краля имеет возражения против бородатых.

— Я пойду пешком. Спасибо, — буркнул Иван Платонович и соскочил с дровней.

Он был совсем расстроен.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

В приказе № 35 по лично-му составу Люберецкой трудкоммуны имеется параграф 4, который должен, по-моему, тебя заинтересовать.

Этот интересный параграф гласит так:

Доктора ЛСО тов. Фоминкова М. С. зачислить с 16/XII—37 г. на должность зав. больницей с окладом 550 руб. и 1/2 ед. хирурга больницы с окл. 200 руб., оставив за ним по амбулатории 1/2 ед. рентгенолога 230 руб. и 1/2 ед. врача ух, горло-носа с окладом 275 руб., а всего в мес. 1255 руб.

Основание: Служебная записка зав. ЛСО».

Эх, хорошо бы ко всем этим вышеперечисленным половинам единиц прибавить хотя бы одну половинку единицы уважения к государственному карману!

А. КОЛОСОВА

Товарищ Крокодил!

Помощник начальника политотдела по комсомолу Московско-Киевской железной дороги Смирнов открыл новый способ оживления работы «легкой кавалерии». Недавно он разослал всем помощникам начальников политотделов отделений по комсомолу, секретарям комсомольских организаций и комсоргам Трансторгпита циркулярную телеграмму:

«В Трансторгпите имеются большие суммы задолженности, растрат и хищений. Предлагаю организовать отряды легкой кавалерии из счетных работников и трансторгпитовцев и оказать помощь ко взысканию этих сумм с должников и растратчиков. Случае отказов, ускорьте передачу для судопроизводства. Со взысканных сумм договоритесь Райтрансторгпитами о вознаграждении кавалеристов от 3 до 10 процентов взысканной суммы».

Вероятно, если бы гришлось Смирнову организовывать отряды «легкой кавале-

рии» по проверке паровозного парка, он премировал бы их паровозами. Но до этого дело не дошло, поскольку он недавно освобожден от этой работы и направлен в распоряжение политотдела Московского отделения дороги. С интересом и некоторым трепетом жду дальнейших проявлений его творческой фантазии на новой работе.

П. ТАРАСЕВИЧ

Калуга.

Многоуважаемый Крокодил!

Ты знаешь, за что уволен с работы заведующий Новошуйбинским райвноторгом? Представь себе: за то, что он не хотел по совместительству выполнять обязанности конюха райисполкома. Председатель рика Сталбаушкин издал недавно приказ, в котором так и писалось: «В связи с болезнью конюха тов. Меркулова все материалы, находящиеся на его ответственности: дрова, сено, фураж, зерно, лошадь, упряжь... и др. материалы приказываю принять заведующему райвноторгом по акту и расходованию таковых весте по приказу, изданному мною по райисполкому».

Когда заведующий райвноторгом стал возмущаться таким противоестественным совместительством, Сталбаушкин его уволил, и теперь в районе вообще нет заведующего райвноторгом. Говорят, что Сталбаушкин стал даже реже ездить на лошадях, потому что при его виде лошади начинают смеяться. Это еще раз доказывает, что лошадь—очень умное животное!

М. ТРЕТЬЯКОВ

г. Семипалатинск,
Восточно-Казахстанской обл.

Многоуважаемый Крокодил!

Вот несколько цитат из очерка «Сибирь», напечатанного в ивановской областной пионерской газете «Всегда готов» в № 111 (декабрь 1937 г.). Автор очерка — некая В. Ранжина. Редактор газеты — М. Черепков. Кто из них более безграмотен и невежествен, суди сам.

Во-первых, оказывается, что Урало-Кузнецкий комбинат построен в Сибири. Непонятно тогда, почему он называется Урало-Кузнецким, а не просто Кузнецким.

Во-вторых, оказывается, что «здесь в место мартеновского цеха построен металлургический завод; в место прокатного и механических цехов — металлообрабатывающие заводы». Чудовищное невежество этой фразы не нуждается в комментариях.

В-третьих, оказывается, что «не паровичок, а электропоезд мчится по заводскому двору от завода к заводу». Ничего себе заводской дворик, на котором по соседству расположены Магнитогорский и Кузнецкий заводы. Дворик протяжением в какие-нибудь несколько тысяч километров!

Но чего обижаться, если «металлургические заводы комбината задымили около озера Байкал».

Расправившись с географией Сибири и самыми элементарными представлениями об Урало-Кузнецком комбинате, развязная невежда Ранжина берется за химию: «Почти вся химическая промышленность Советского Союза находится здесь во дворе Урало-Кузбасского (так и написано «Кузбасского») комбината».

Нет никакой возможности останавливаться на остальных безграмотностях очерка «Сибирь», этой подлинной сокровищницы наглого невежества. Самое печальное во всем этом то, что газета «Всегда готов» буквально пеэстрит такими вопиюще безграмотными материалами.

Ивановский обком комсомола и ивановское облОНО, к борьбе за грамотную пионерскую газету будьте готовы! М. Черепков вам в этом деле, по всей видимости, — не помощник.

Н. БАРЮТИН

Иваново.

Дорогой Крокодил!

7 января Наманганский горкомхоз на основании распоряжения горсовета от 4 января предоставил Обществу глухонемых пустующее помещение бывшей библиотеки по улице Дзержинского. 21 января тот же горсовет с легким сердцем

предоставил то же помещение под городскую станцию железной дороги, благополучно помещавшуюся до сего времени в другом доме. Возможно, что за то время, пока мое письмо дойдет до тебя, увидит свет еще одно постановление горсовета, в котором помещение читальни будет передано третьей организации. Одно ясно, что этой третьей организацией не будет Общество глухонемых, которое ответственный секретарь горсовета тов. Дадабаев питает чрезвычайно туманными обещаниями. Таким образом, срывается политико-просветительная и производственная учеба глухонемых.

Помоги, пожалуйста, дорогой Крокодил, добиться пересмотра последнего решения президиума Наманганского горсовета: ему это не привыкать стать, а глухонемым будет прямая польза.

Уполномоченный по работе среди глухонемых Намангана В. ПЛОТНИКОВ
Наманган,
Узбекская ССР.

Дорогой Крокодил!

Что нам делать с Булкиным? Он преподает у нас историю партии и проявляет при этом неслыханную резвость в темпах. За одну лекцию, т. е. два академических часа, он 17 января умудрился, шутя и играя, рассказать своим слушателям о X, XI, XII партсъездах, о X, XI и XII партконференциях и о III и IV конгрессах Коминтерна.

Единственно, что мы поняли из этого калейдоскопа цифр, цитат и общих фраз, — это то, что тов. Булкину не так важно, чтобы мы поняли его лекцию, как то, чтобы точно уложиться в регламент. О чем с прискорбием доводим до твоего сведения.

Студенты 3-го курса Харьковского газетного училища имени Островского: И. ПОЛЕССКИЙ, Н. КОНЯХИН, В. ТИБАРЕНКО, Л. ДУБРОВСКИЙ, И. ПОРТНОЙ, В. СКАЧКОВ, А. МОСТОВОЙ, В. ВИХРЕНКО, Я. ФИРГЕР, Д. РЫСИН, Я. ГЛУЩЕНКО.

Редколлегия: МНХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГНН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 170

Сдача текста и рисунков 11/II 1938 г.

Подп. к печати 14/II 1938 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита Б-10471. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 366. Тираж 275 000 экз.

50

Истор. архивы
19 ФЕВ 1938
Истор. Арх. Палат. Подручные

	Период и серия	„Лет сдел.“	„Юрид. лет.“
Получ. в ред.	20/6	21/11	
Сдан в архив	21/11 38	23/5	

НАПРАСЛИНА

Рис. Л. Бродаты

— Говорят, что мы были пристрастны к исключенным... А мы их зачастую и в глаза не видели!..